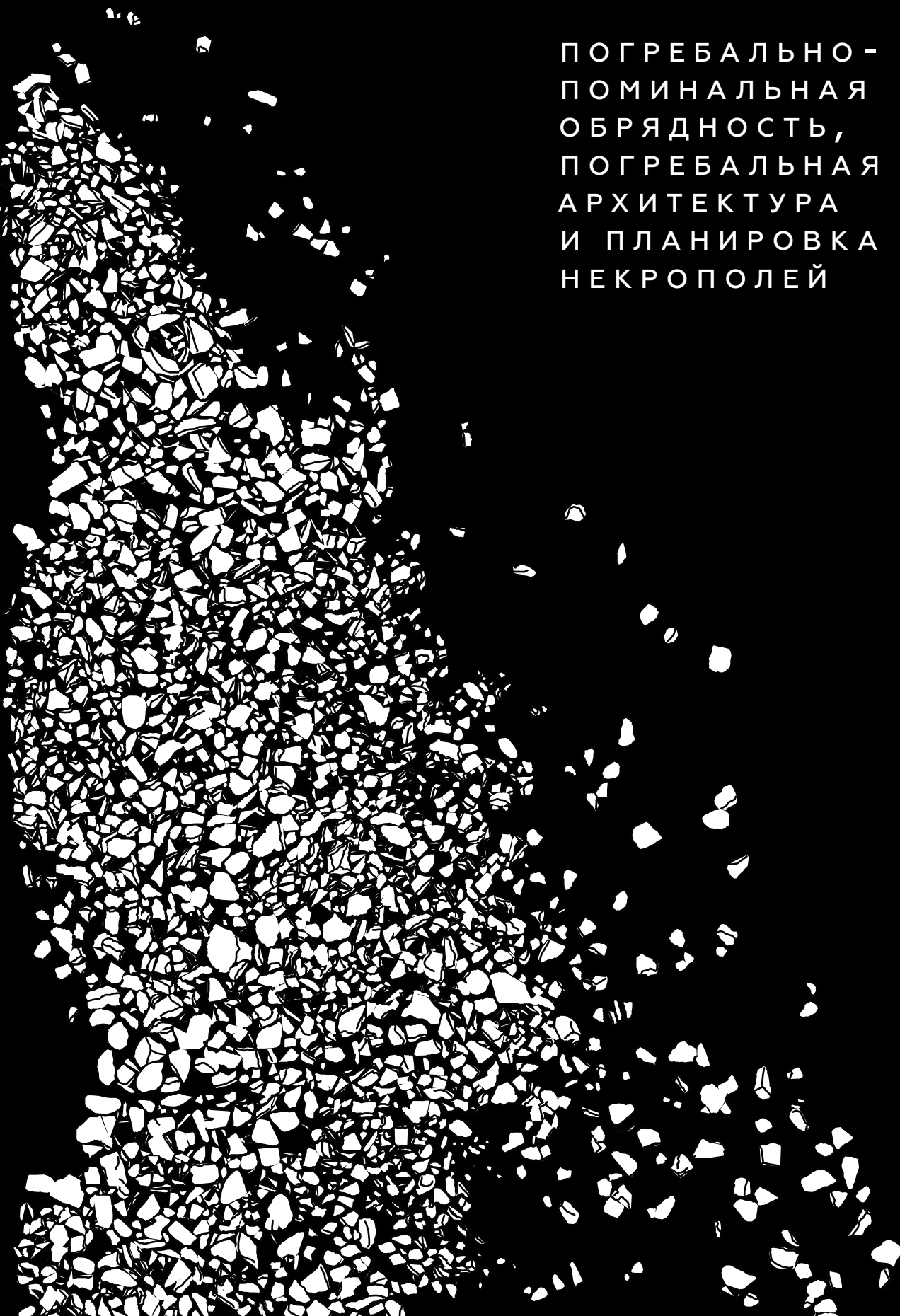

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Я. В. Рафикова

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

В статье рассматриваются антропоморфные стелы, происходящие из погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Южного Зауралья. На сегодняшний день к таковым относятся три — из кургана № 7 могильника Каменный Амбар-5, погребения № 4 кургана № 1 могильника Ишкиновка III и кургана № 5 Селивановского II могильника. Последняя стела входила в состав каменной композиции и целого ансамбля, образованного каменными плитами и погребением. Исследование этого комплекса позволило выяснить, что основные принципы его создания идентичны принципам сооружения «аллей» менгиров Южного Зауралья — обозначение сторон света и особое выделение пиротного направления. Таким образом, получено еще одно свидетельство связи мегалитических традиций Южного Урала с погребальным обрядом эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Южное Зауралье, срубно-алакульская контактная зона, погребально-поминальная обрядность, антропоморфная стела, мегалитические традиции

Очень интересный вид мегалитических памятников эпохи палеометалла — антропоморфные стелы были открыты в Южном Зауралье совсем недавно — в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В отличие от массового характера таких находок в Западной Европе, Северном Причерноморье, Восточной Сибири и Северной Монголии, их количество здесь пока ограничивается всего лишь тремя экземплярами. Отметим, что в Южном Зауралье имеются и стелы этого времени без признаков антропоморфности, которые известны также пока в сравнительно небольшом количестве (Кузьмина, 1963. С. 105; Рафикова, Федоров, 1997. С. 275; Костюков, Епимахов, 2005. С. 70–77; Курьянова, 2014. С. 35–39; Петров, Курьянова, 2016. С. 129, 134).

Все находки антропоморфных стел Южного Зауралья происходят из погребальных комплексов эпохи поздней бронзы. Данные о двух стелах опубликованы. Первая из них обнаружена в могильнике Каменный Амбар-5 в насыпи кургана № 7, атрибутированного как раннесрубный с некоторыми алакульскими чертами (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 85) (рис. 1, 1). Отметим, что авторы публикации не называют стелу антропоморфной, однако описывают ее как имеющую «лицевую» сторону и «головной» выступ (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 84). Вторая обнаружена в погребении № 4 кургана № 1 кожумбердынского могильника Ишкиновка III (Ткачев, 2012. С. 54, рис. 3, 3а) (рис. 1, 2). Здесь автор прямо называет ее антропоморфной, хотя и оговаривает, что «трактовка антропоморфных черт весьма условна» (Ткачев, 2012. С. 54). Находка третьей связана со срубно-алакульским курганом № 5 могильника Селивановский II. Изготовители этой стелы, несомненно, стремились придать ей антропоморфные черты. Чрезвычайно интересным является контекст находки этой стелы, свидетельствующий о связи традиции сооружения «аллей» менгиров с погребально-поминальной обрядностью древнего населения Южного Зауралья. Рассмотрим комплекс подробнее.

Курган № 5 со стелой входит в состав Селивановского II могильника, расположенного на северо-западной окраине пос. Селивановский в Абзелиловском районе Республики Башкортостан, в 15 км западнее г. Магнитогорска. Центральная группа могильника, состоящая из девяти курганов, вытянута по широтной линии вдоль низкого северо-восточного берега оз. Чебаркуль. Всего археологической экспедицией Национального музея Республики Башкортостан было исследовано три кургана: в 1999 г. курган № 6 позднесарматского времени (Федоров, 2011), в 2000 г. курганы № 1 (Рафикова, 2008) и № 5 эпохи поздней бронзы, причем последний является самым восточным в этой цепи (рис. 2).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научного проекта № 16-11-02008/16 «Курганы Южного Зауралья»

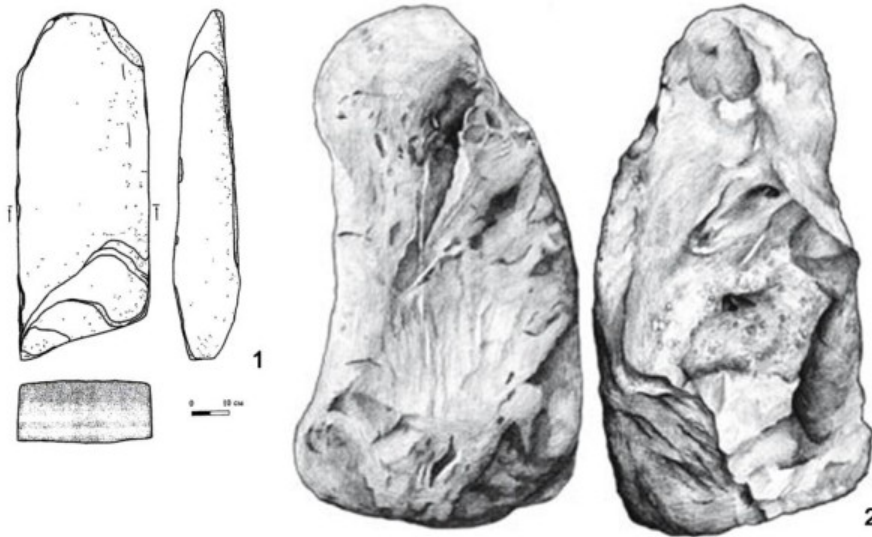

Рис. 1. Антропоморфные стелы Южного Зауралья: 1 — курган № 7 могильника Каменный Амбар-5, 2 — погребение № 4 кургана № 1 могильника Ишкиновка III

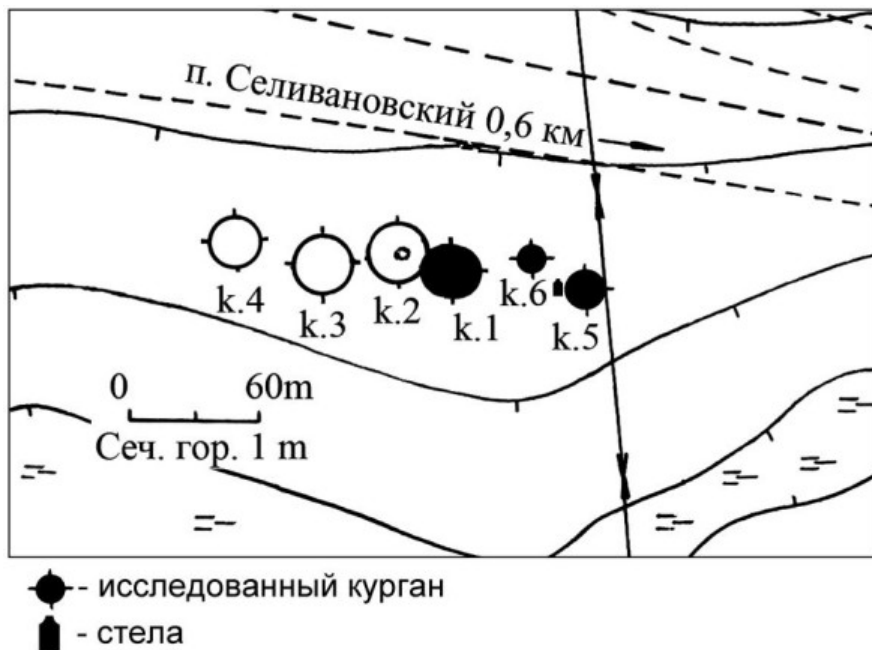

Рис. 2. Селивановский II могильник. План центральной группы курганов

Насыпь кургана земляная, уплотненная, сильно расплывшаяся, слегка вытянута по линии запад–восток, край северо-восточного участка ее поля нарушен при установке опорного столба ЛЭП. Размер насыпи $18,5 \times 6,5$ м, высота до 0,4 м (рис. 3, 1). Курган исследовался вручную в пределах визуально фиксируемых границ методом кольцевых траншей с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок шириной 0,6 м, ориентированных по сторонам света.

Профиль широтной бровки (рис. 3, 4):

- 1) дерн — 0,05 м, подстилаемый гумусом;
- 2) гумус — 0,15–0,3 м прослежен на всем протяжении профиля, в центральной части подстилается слоем гумуса, перемешанного с материковым суглинком, только на западном и восточном участках профиля подстилается погребенной почвой;
- 3) гумус, смешанный с материковым суглинком — 0,15–0,65 м зафиксирован в центральной части профиля, где лежит непосредственно на материке, является заполнением чашеобразного углубления, о котором подробно будет сказано ниже;

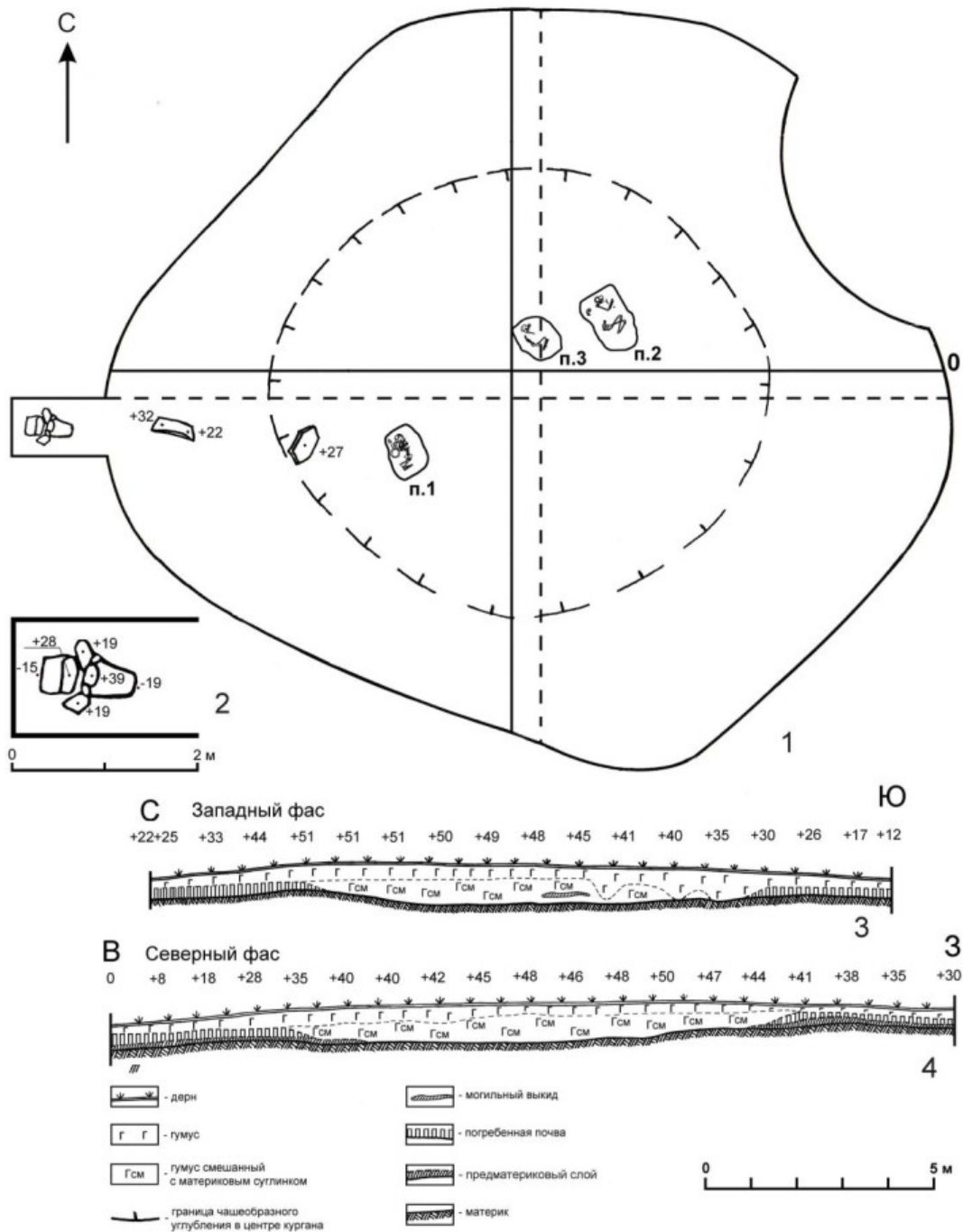

Рис. 3. Селивановский II могильник, курган № 5: 1 — план, 2 — композиция с каменной стелой, 3 — профиль меридиональной бровки, 4 — профиль широтной бровки

4) погребенная почва — слой плотного темного гумуса — 0,1–0,25 м, фиксировалась только на периферийных участках в виде полос со скошенными к центру краями, подстилается предматериковым слоем;

5) предматериковый слой — 0,1–0,15 м; собственно, это верхний слой материка с затеками гумуса, отмечается только на периферийных участках — с восточной и западной стороны в виде тонких полос;

6) материк — глина.

Профиль меридиональной бровки (рис. 3, 3):

1) дерн — 0,05 м, подстилаемый гумусом;

2) гумус — 0,15–0,65 м, прослежен на всем протяжении профиля, подстилается смешанным слоем гумуса с материковым суглинком, на периферийных участках — с северной и южной стороны лежит на погребенной почве;

3) гумус, смешанный с материковым суглинком — до 0,55 м в центральной части профиля, является заполнением чашевидного углубления, подстиляется материком, в слое зафиксирован могильный выкид от погребения № 3 — линза материковой глины мощностью до 0,1 м выше материка на 0,15 м, протяженностью 1 м;

4) погребенная почва — до 0,25 м прослежена только с западного и восточного края профиля в виде полос со скошенными к центру краями;

5) материк — глина.

В пределах внешней кольцевой траншеи, в западной поле кургана в слое гумуса были выявлены две плиты на глубине 0,1–0,17 м от поверхности. Плита, расположенная ближе к краю поля, имеет трапециевидную форму, вогнутая, размером $1,0 \times 0,45$ м, длинными сторонами ориентирована по линии запад–восток. На расстоянии 2 м к востоку от нее находилась плита таких же размеров, длинными сторонами ориентированная меридионально с небольшим отклонением к востоку. После расчистки каменных плит было обращено внимание на то, что на одной широтной линии с ними, в 2 м от крайней западной плиты, за пределами раскопа на поверхность земли на высоту не более 8 см выступает камень. Чтобы исследовать участок с выступающим на поверхность камнем, после доведения внешней траншеи до материка с западной стороны к ней была сделана прирезка прямоугольной формы размером $2 \times 1,3$ м (рис. 4). Как выяснилось, торчащий из земли камень — это верхушка стелы, которая является одной из четырех частей целой каменной композиции, скрытой под землей (рис. 3, 2; 6).

Рис. 4. Селивановский II могильник, курган № 5, западная поля кургана с прирезкой. Каменные плиты и композиция с антропоморфной стелой: 1 — вид с востока, 2 — вид с запада

Стела представляет собой базальтовую² плиту подпрямоугольной формы размером $0,7 \times 0,47$ м, боковые грани ее практически параллельны друг другу, толщина плиты 15–20 см. Верхняя часть плиты обработана с обеих сторон, а обе боковые части только с лицевой стороны. Наиболее грубой обработке подвергнута левая боковая грань. Плита здесь была значительно толще, чем справа, и с лицевой стороны несколькими крупными сколами «излишняя» толщина была убрана. Верхняя грань была сначала

² Определение к. г.-м. наук В. М. Горожанина.

выровнена, а затем на ней крупными сколами были оформлены скосы на лицевую и тыльную сторону. Головной выступ и плечи оформлены сбиванием углов плиты крупными сколами. Левое плечо получено в результате двух крупных сколов — по одному с лицевой и тыльной стороны. Правое плечо с тыльной стороны оформлено также одним крупным сколом, а с лицевой стороны после снесения угла одним крупным сколом потребовалась подтеска более мелкими сколами, причем они захватили также правую сторону плиты ниже «плеча». Головной выступ с лицевой стороны также был подтесан: был подровнен выступающий край, образовавшийся при оформлении скоса. В целом, приемы обработки являются достаточно грубыми, тем не менее, желаемый результат был достигнут — плите придана форма примитивной человеческой фигуры с головой и плечами (рис. 5).

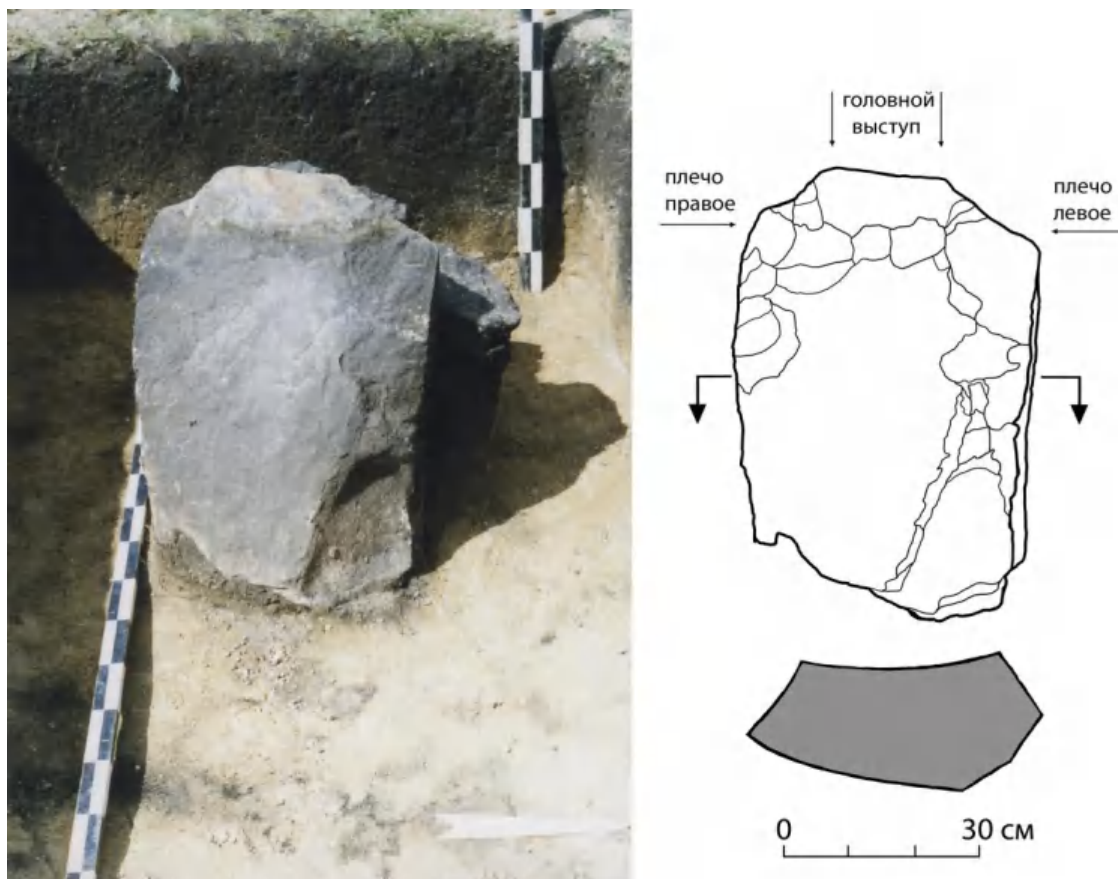

Рис. 5. Селивановский II могильник, курган № 5. Антропоморфная стела. Фото и прорисовка. Вид с востока

Стела находилась в наклонном положении — под углом 55–60° «спиной назад» к западу, а передней частью была обращена на восток. С западной стороны ровно напротив, наклонно к ней — на расстоянии 0,6 м у основания и 0,1 м сверху располагалась еще одна каменная плита размером 0,55 × 0,45 м, образуя со стелой нечто вроде «домика» (рис. 6, 1, 3). Между ними находились два камня меньших размеров — с севера и юга, — немного выступающая из-за их боков (рис. 6, 2). Стела и плита, расположенная позади нее, были вкопаны в грунт чуть ниже уровня материка, а боковые камни были расположены выше материка на 0,15 см. Видимо, боковые камни изначально располагались также наклонно друг к другу, и композиция имела форму четырехгранной пирамиды.

Несомненно, эта композиция со стелой составляла единый комплекс с одиночными каменными плитами (рис. 4), обнаруженными под насыпью, а также с погребением № 1, замыкающим этот ансамбль с востока (см. рис. 3, 1). Укладка (установка?) одиночных плит и создание композиции со стелой осуществлены после оформления погребальной площадки и совершения захоронений. Причем, как мы предполагаем, одиночные плиты первоначально располагались выше дневной поверхности, только спустя некоторое время, в результате естественных процессов, они оказались в толще грунта.

Рис. 6. Селивановский II могильник, курган № 5.
Композиция с антропоморфной стелой: 1 — вид с юга, 2 — вид с запада, 3 — вид с севера

Композиция со стелой первоначально, вероятно, возвышалась над дневной поверхностью до уровня «груди» стелы — так, что были видны все четыре камня, ориентированные по сторонам света. Не исключено, что погребение № 1 на поверхности тоже было как-то обозначено (возможно, конструкцией из дерева или грунта — из того материала, который не сохранился до наших дней), таким образом, что все четыре элемента ансамбля, вытянутые по линии запад-восток, были видны на поверхности. Интересно отметить, что в погребении № 1, замыкавшем ансамбль, в отличие от остальных двух захоронений кургана, в которых покойники находились на левом боку и сопровождалась маленькими неорнаментированными сосудами, покойный был положен на правый бок и сопровождался сосудом больших размеров и с орнаментом (рис. 7, 1, 1а). Стела и погребенный как бы «смотрят» друг на друга.

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют предполагать, что при устройстве погребальной площадки до совершения погребений почвенный слой, а также материк в центральной части были подрезаны в радиусе 5–5,5 м на глубину до 0,3 м в форме чашеобразного углубления-котлована. После совершения погребений, углубление было заполнено вынутым при его же сооружении грунтом — перемешанным с материковой глиной гумусом. Выкид от погребения № 3, обнаруженный в толще этого слоя, может свидетельствовать о том, что заполнение котлована производилось в два этапа. На первом этапе, после совершения погребений №№ 1 и 2, котлован был заполнен частично — уровень его поверхности, видимо, и маркирует выкид из погребения № 3, зафиксированный на 0,15 м выше материка. На втором этапе после свершения погребения № 3, произошло окончательное формирование кургана — заполнение котлована и сооружение насыпи.

Погребение № 1 выявлено по темному гумусному пятну подпрямоугольной формы с нечеткими границами в юго-западном секторе кургана. Находится на одной широтной линии с каменной композицией со стелой и двумя отдельно расположенными каменными плитами, замыкая эту цепочку с восточной стороны (см. рис. 3, 1). Яма размером 1,1 × 0,6–0,8 м, глубиной в материк 0,1–0,19 м, длинными сторонами ориентирована по линии север–юг с небольшим отклонением к западу. Заполнение ямы испещрено норными ходами. Единичные вкрапления древесного тлена, зафиксированные в верхней части заполнения, вероятно, остатки деревянного перекрытия. Стенки могилы отвесные, дно относительно ровное. На дне могилы, в центре ее находился костяк ребенка 7–8 лет³ в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на север (рис. 7, 1). Руки согнуты в локтях, кости ладоней, так же

³ Автор выражает благодарность антропологу В. В. Куфтерину за профессиональные определения.

как и стоп не сохранились. У локтей ребенка располагался сосуд очень плохой сохранности, два фрагмента от которого находились перед лицом ребенка, перемещенные сюда, очевидно, нормными животными. Графически удалось реконструировать форму плоскодонного сосуда — горшечная с уступом, венчик прямой конфигурации с прямым срезом. Внешняя поверхность сосуда практически вся выкрошена, по сохранившимся участкам видно, что она была очень хорошо заглажена, цвет — оранжевый с серыми пятнами. Орнамент, нанесенный зубчатым штампом, полностью не восстанавливается, можно сказать только, что он состоял из чередования горизонтальных прямых и зигзаговых линий и наносился на нижнюю часть венчика и верхнюю часть тулова. В глиняном тесте примесь толченой дресвы. Высота сосуда — 15,5 см, диаметр устья — 13,3 см, тулова — 15 см, дна — 9,5 см, толщина стенок — 0,5 см (рис. 7, 1а).

Погребение № 2 расположено в северо-восточном секторе подкурганной площадки. Могильная яма подпрямоугольной в плане конфигурации размером 1,4 × 0,9 м, длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, глубина в материк 0,2 м. В верхней части заполнения могилы зафиксирован крупный фрагмент древесного тлена, представляющего, скорее всего, остатки деревянного перекрытия. Стенки ямы отвесные, дно ровное. На дне ямы находился костяк подростка на левом боку в скорченном положении, головой ориентированный на северо-запад (рис. 7, 2). Костяк плохой сохранности, многие кости скелета, видимо, истлели — от позвоночника остались только позвонки нижнего отдела; нет ребер, костей ладоней и стоп, а также костей левой руки. За спиной погребенного, на уровне лопаток, ближе к стенке могилы располагался сосуд очень плохой сохранности, который был реконструирован графически. Сосуд горшечной формы с плоским дном и отогнутым венчиком, край которого слегка закруглен, тулово плавно профилировано. Не орнаментирован. В глиняном тесте примесь толченой дресвы. Внешняя поверхность заглажена, оранжевого цвета. Высота сосуда — 9 см, диаметр устья — 9,3 см, тулова — 10,3 см, дна — 6,3 см, толщина стенок — 0,3–0,4 см (рис. 7, 2а).

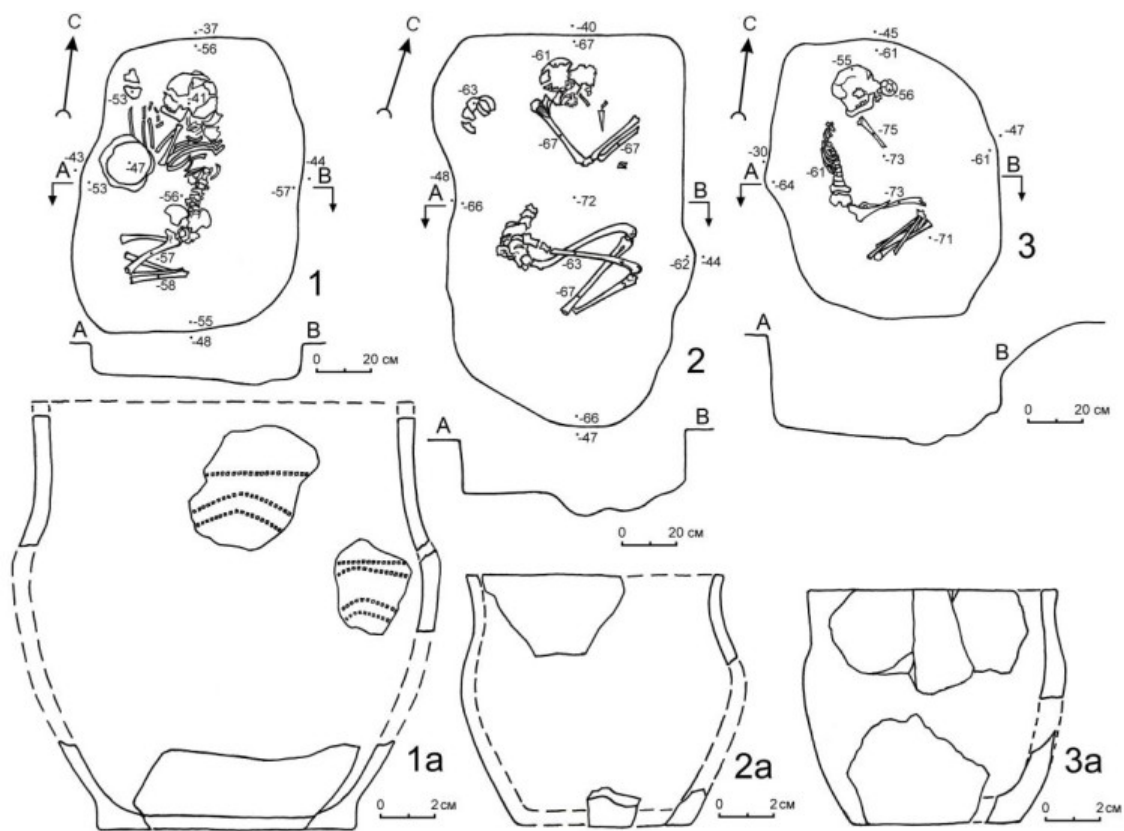

Рис. 7. Селивановский II могильник, курган № 5. Планы погребений и керамические сосуды: 1, 1а — погребение № 1; 2, 2а — погребение № 2; 3, 3а — погребение № 3

Погребение № 3 расположено в центре подкурганной площадки. Могильная яма длинными сторонами ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, подпрямоугольно-овальной в плане конфигурации. Стенки и дно ямы частично пострадали в результате деятельности норных животных. Судя по относительно сохранившимся участкам юго-западной стенки и дна, первоначально стенки могилы были отвесными, а дно ровным. Размеры ямы 1,0 × 0,75–0,8 м, глубина в материк 0,32 м. В верхней части заполнения могилы зафиксирован фрагмент древесного тлена. На дне ямы, в центре находился костяк ребенка на левом боку в скорченном положении, головой ориентированный на северо-запад (рис. 7, 3). Костяк плохой сохранности, зафиксированы только длинные кости ног, таз, частично позвоночник с ребрами, черепа в плохом состоянии, кости рук представлены только одной плечевой костью, остальные части скелета истлели. Перед лицом ребенка, у лба впритык был поставлен плоскодонный сосуд, который очень плохо сохранился. В его тесте примесь тальковой дресвы. Сосуд горшечной формы с намеченным уступом, оформленным перегибом, венчик его слегка отогнут с уплощенным краем. Не орнаментирован. Высота сосуда — 8,5 см, диаметр устья — 9 см, тулова — 9,5 см, дна — 6 см, толщина стенок — 0,4–0,6 см (рис. 7, 3а).

Параметры, форма и устройство могил, скорченное положение погребенных, уложенных как на левом, так и на правом боку, ориентировка их головой в северных румбах, скромный погребальный инвентарь, представленный исключительно глиняными сосудами, их форма и примеси в глиняном тесте — все это находит соответствия в соседнем кургане 1, что позволяет предполагать единовременное формирование обоих комплексов. Нужно сказать, что перечисленные признаки являются общими для срубно-алакульских погребальных памятников развитого этапа. Достаточно редко отмечается исследователями особое устройство погребальной площадки — подрезка грунта и частично материка в центре, подобное оформление нам известно только в кургане № 4 могильника Степное 25 раннего этапа срубной культуры (Кутриянова, 2014. С. 37).

Композиция с антропоморфной стелой и ансамбль, в состав которого она входит не имеет аналогий. Что касается самой стелы — из стел Южного Зауралья наиболее близкой ей является каменноамбарская. Близость их отмечается не только в схожести формы и размеров, а также в том, что каменноамбарская стела, как и селивановская, вероятно, являлась частью композиции. Об этом свидетельствует ее нахождение в яме, локализованной в юго-юго-западном секторе кургана, вместе с двумя плитами. Из описания известно, что все плиты, находившиеся в районе юго-восточного угла ямы, располагались наклонно к центру ямы (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 85). Ишкиновская стела по размерам, форме и условиям местонахождения (в могиле) обнаруживает гораздо меньше сходства с селивановской. Интерпретация этого комплекса, являющегося, по мнению автора, кенотафом с захоронением стелы вместо тела покойного — «архаического лидера» (Ткачев, 2012. С. 55), также не подходит для объяснения семантики селивановской стелы.

В качестве наиболее близкого сравнительного материала для антропоморфных стел Южного Зауралья можно привести стелы эпохи палеометалла Северного Причерноморья. Оговорим, что речь здесь может идти только о частично совпадающих приемах изготовления, результатом которых явилось сходство внешнего облика верхней части стел. Так же как в селивановской и каменноамбарской, в них скупо переданы черты антропоморфности — чуть обозначенные подтесыванием плечи и головной выступ (Формозов, 1969. Рис. 62, 1–3; Шапошникова и др., 1986. С. 25–36). Подобным стелам Е. В. Яровой дает следующие характеристики: «... примитивная антропоморфная стела», «обобщенное изображение человеческой фигуры...» (Яровой, 2005. С. 134, 135). По классификации антропоморфных стел из ямных комплексов, предложенной О. Г. Шапошниковой, В. Н. Фоменко, Н. Д. Довженко, наиболее сопоставимы с селивановской стелы типа 8 (Шапошникова и др., 1986. Рис. 31). Однако в отличие от ямных стел у которых выступ-голова и плечи тщательно обрабатывались, у южноуральских они оформлены довольно грубыми сколами.

В ямных захоронениях стелы использовались в качестве перекрытий, однако, как показали исследования, это вторичное их применение. Появление стел в Северном Причерноморье связывается с доямным населением, устанавливавшим их вертикально на культовых площадках (Гелегин, 1971;

Щепинский, 1973; *Клейн*, 2010. С. 296, 297). В первоначальном положении сохранились, видимо, лишь единицы из них. В связи с этим интересна параллель, обнаруживаемая ориентации селивановской стелы — лицевой частью на восток. Так же была ориентирована стела, вкопанная в землю на возвышенности левого берега р. Ингулец на окраине г. Александрии Кировоградской области Украины (*Гелегин*, 1971. С. 3; *Клейн*, 2010. С. 297). Еще одна аналогия, но из другой зоны Евразии — стела из кургана Хар Хошуу (Кара Тумсик) чемурчекской культуры ранней бронзы Монгольского Алтая, лицевая часть которой также обращена к востоку (*Древнейшие европейцы...*, 2014. С. 216, рис. 75, 76). Интересно, что, А. А. Ковалев, усматривая аналогии чемурчекской стеле в стелах из позднеэолитических могильников южно-французских департаментов, отмечает, что последние располагались около могил на краю насыпи с запада (*Ковалев*, 2010. С. 102). Напомним, что так же с западной стороны насыпи кургана располагалась и селивановская стела.

При всех приведенных аналогиях, по нашему мнению, говорить о том, что антропоморфные стелы на Южном Урале могли появиться в результате миграций или заимствований, не приходится. Выявленные сходства, скорее всего, обусловлены общими элементами мировоззрения древнего населения и основаны на каких-то универсальных явлениях — таких как человеческий образ, небесная сфера с движением дневного светила. Так же универсален и камень в качестве долговечного материала для воплощения этих идей.

В срубно-алакульское время в Южном Зауралье получают широкое распространение другие мегалитические памятники — одиночные менгиры, ряды («аллеи») менгиров и кромлехи (*Петров*, 2002, 2003а, 2003б; *Петров, Кириллов*, 2007; *Полякова*, 2002а; 2002б; 2004; 2006; *Марков*, 2003). Исследователи в некоторых случаях предполагают связь данных мегалитических памятников с погребальными ритуалами (*Петров, Курьянова*, 2016. С. 129, 138), что подтверждается расположением некоторых из них на площадках могильников — «аллеи» Песчаная и Наровчатская, а также Утяганский комплекс менгиров (*Марков*, 2003; *Гаврилюк и др.*, 2006. С. 145–146; *Петров, Курьянова*, 2016. С. 135), и выявлением неординарного погребения под одиночным менгиром Лисьи горы (*Петров*, 2003а).

Стилистическая близость менгирам каменноамбарской стелы отмечалась ее публикаторами (*Епимахов, Епимахова*, 2003. С. 86). У селивановского ансамбля сходство с рядами («аллеями») менгиров имеет, на наш взгляд, системный характер — все ряды менгиров вытянуты цепочкой по линии запад-восток (*Петров*, 2002. С. 125; *Полякова*, 2002а. С. 94; 2002б. С. 51–53; *Потемкина*, 2011. С. 24), так же как и элементы селивановского ансамбля. Можно даже предположить, что продолговатые плиты, найденные в насыпи кургана, являются поваленными менгирами, но доказать это невозможно.

Отмеченное сходство позволяет предполагать и близость их семантики, которая, конечно же, не может быть абсолютной, но должна отражать какие-то общие принципы. На сегодняшний день объяснения семантики «аллей» менгиров сводятся, в основном, к трем гипотезам. Во-первых, «аллеи» менгиров отождествляются с границей, отделяющей одну часть пространства от другой: приуроченные к поселениям — освоенное пространство от неосвоенного; приуроченные к могильникам — мир живых от мира мертвых (*Полякова*, 2002а. С. 95; *Марков*, 2003. С. 81–82). Во-вторых, их связывают с культом солнца, гор, а также степных (ландшафтных) духов (*Петров*, 2002. С. 125; 2003б. С. 75; *Гаврилюк и др.*, 2006. С. 146; *Петров, Курьянова*, 2016. С. 129, 138). В-третьих, их четкая привязка к направлениям, соответствующим сторонам света, «а также важным солнечным и лунным азимутам, отмечающим суточные и сезонные изменения», позволила предположить, что они являлись древними инструментами для астрономических наблюдений, совмещающими вместе с тем также и функции святилищ (*Потемкина*, 2011. С. 18).

Рассмотрим возможности применения высказанных гипотез к семантике селивановского ансамбля. Трудно предположить, что он мог исполнять роль какой-либо границы — расположение ансамбля таково, что он не разделяет, а скорее соединяет внекурганное и погребальное пространство. Обращение селивановской стелы лицевой частью на восток, как будто допускает предположение о возможном почитании дневного светила. Однако нужно учитывать, что селивановский ансамбль возник в результате погребально-поминальных действий, которые, несомненно, отражали систему религиозных представлений, имевшую более сложный многокомпонентный характер, нежели чем один только культ солнца.

В то же время весьма вероятно, что эта система могла содержать элементы солнечного культа (идеи умирания и возрождения, связанные с восходом и заходом солнца). Относительно культа гор и степных духов — вообще судить не беремся, заметим только, что селивановский ансамбль не обнаруживает привязки к вершинам близлежащих возвышенностей. Вряд ли он выполнял и функции святилища (нами не зафиксировано никаких материальных проявлений обрядовых действий), а также использовался как инструмент для астрономических наблюдений, однако, главные его параметры — обозначение сторон света и особое выделение широтного направления — частично совпадают с теми, что легли в основу третьей гипотезы. Очевидно, что рассматриваемый ансамбль создан с применением знаний, полученных в наблюдениях за небесной сферой. При расшифровке семантики селивановской композиции со стелой и всего ансамбля в целом, необходимо также иметь в виду, что для их создателей, видимо, особо значимым было число «четыре» — четыре камня композиции со стелой, ориентированные на четыре стороны света; четыре объекта, составляющие ансамбль.

Ранее исследователями отмечалась связь антропоморфных стел эпохи бронзы Южного Зауралья с мегалитическими памятниками этой территории, основанная, прежде всего, на внешнем сходстве (Епимахов, Епимахова, 2003. С. 86; Ткачев, 2012. С. 56). Исследование селивановского комплекса показывает, что сходство не ограничивается внешними характеристиками, а имеет системный характер, обусловленный общими аспектами семантики «аллей» менгиров и антропоморфных стел в погребальном обряде.

Гаврилюк А. Г., Григорьев С. А., Марков С. С. Могильники Акмулла I, Городищенское IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2006.

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / Сост. и науч. ред. А. А. Ковалев. СПб., 2014.

Епимахов А. В., Епимахова М. Г. О мегалитических традициях эпохи бронзы // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003.

Клейн А. С. Время кентавров. СПб., 2010.

Ковалев А. А. Полевые исследования чемурчекских памятников Монголии и Казахстана как основа для разрешения проблемы происхождения чемурчекского культурного феномена // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. № 4–2 (68).

Костюков В. П., Епимахов А. В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Алматы, 2005. Вып. 2.

Кузьмина Е. Е. Купухта — могильник андроновской знати // КСИА. 1963. Вып. 93: Исследование памятников эпохи энеолита и бронзы.

Куприянова Е. В. Могильник эпохи бронзы Степное 25 (результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2014. № 2 (25).

Марков С. С. Песчаная аллея менгиров: к проблеме интерпретации аллей менгиров Южного Зауралья // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003.

Петров Ф. Н. Раскопки культовых памятников на горе Чека // Вестник общества открытых исследований древности: Вып. 2 / Гл. ред. Ф. Н. Петров. Челябинск, 2002.

Петров Ф. Н. Исследования одиночного менгира Лисьи горы в степном Зауралье // Международный XVI Ураль-

ское археолог. совещание: Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Ф. Мельничук. Пермь, 2003а.

Петров Ф. Н. Ритуальное взаимодействие человека и мира: на материале археологических памятников степного Зауралья // Человек в пространстве древних культур: Материалы Всерос. науч. конф. / Науч. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск, 2003б.

Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2007. Вып. 6–7.

Петров Ф. Н., Курьянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Арканской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. Челябинск, 2016.

Полякова Е. А. Мегалиты Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тез. докл. III регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002.

Полякова Е. А. Мегалиты Южного Зауралья: атрибуты и акцидентии // Вестник общества открытых исследований древности / Гл. ред. Ф. Н. Петров. Челябинск, 2002. Вып. 2.

Полякова Е. А. Аллея менгиров в историческом парке музея-заповедника Аркан и другие памятники мегалитического культа Южного Зауралья // Аркан: По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск, 2004.

Полякова Е. А. История изучения мегалитических памятников Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск. 2006.

Потемкина Т. М. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии, и этнографии. Тюмень, 2011. №2 (15).

Рафикова, 2008 — Рафикова Я. В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4.

Рафикова Я. В., Федоров В. К. Разведки и охранные раскопки в Башкирии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997.

Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньоміхайлівського типу // Археологія. Київ, 1971. № 4.

Ткачев В. В. Погребально-культовий комплекс алакульської культури в Східному Оренбуржжі // Археологія, етнографія і антропологія Євразії. Новосибірськ, 2012. № 1 (49).

Федоров В. К. Колінопріклоненні: неабичне пізньесарматське погребення із Южного Зауралля // Погребальний обряд раних кочевників Євразії: Матеріали VII Міжнарод. науч. конф. «Проблеми

сарматської археології і історії» / Отв. ред. Л. Т. Яблонський, С. І. Лук'яшко. Ростов на-Д., 2011.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.

Шапошникова О. А., Фоменко В. Н., Довженко Н. А. Ямная культурно-історическая область (южнобугський варіант). Київ, 1986 (САИ; Вып. В1-3).

Щепинський А. О. Антропоморфні стели Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 1979. № 9.

Яровой Е. В. Мистика древних курганов. М., 2005.